

Олег БАЖАНОВ

ТЁТУШКИ

Олег Иванович Бажанов родился в 1961 году в Хабаровске, в семье военного лётчика. Окончил Саратовское высшее военное училище лётчиков. Служил в поисково-спасательной авиации, военный лётчик первого класса. Уволен в запас в 1998 году в звании подполковника. Автор нескольких романов и поэтических книг, вышедших в России, Канаде и Германии. Член Союза российских писателей. Лауреат конкурса талантов «Царицынская муза-2014», многих фестивалей авторской песни.

Я стоял у неприметного холмика за невысокой, тронутой ржавчиной оградкой. Среди небогато украшенных могил деревенского кладбища эта выглядела более чем скромно. Над ней возвышался выкрашенный синим, такой же скромный деревянный крест. На кресте табличка. На ней белой краской на чёрном фоне выведено: «Смирнова Анастасия Ивановна, Ракша А.М. и Ракша А.М.». И всё. Ни дат рождения, ни времени ухода из жизни, ни того, кем были усопшие...

В этой могиле упокоились мои тётушки. Мои добрые, хорошие старушки. Они приходились мне бабушками: Антонина Макаровна и Анна Макаровна были младшими сёстрами Льва Макаровича — моего деда по материнской линии, а Анастасия Ивановна, которую я называл просто тётя Тася, была дочерью старшей сестры Льва Макаровича, умершей во время Гражданской войны.

Последний раз я видел тётюшек живыми давно: тридцать два года назад. Как-то получилось так, что более тридцати лет я не был в благодатном краю лесов и полей, где неширокая речка несёт свои воды меж наполненных запахами полевых трав берегов к батюшке Дону, — в краю сказок, оживающих длинными зимними вечерами в тёмных тётюшкиных комнатах. Тридцать два года не был там, куда часто возвращался в снах, там, откуда будущее казалось мне когда-то безбрежным океаном с качающимися на волнах белыми, как чайки, мечтами.

Помню, утром мы, босоногие пацаны, бежали в поля смотреть, как пахут землю трудяги-трактора, как громоздкие, похожие на динозавров комбайны собирают налитые солнцем спелые колосья пшеницы, и мы знали, что, когда вырастем, обязательно станем трактористами и комбайнёрами. Ещё более героическими нам казались только военные профессии танкистов, моряков и лётчиков. Мы лазали по садам, устраивали набеги на колхозную бахчу, шли на конюшню смотреть на добрых лошадей, угощали их припасённым хлебом и арбузными корками. Так проходил день. Незадолго до вечерней зари встречали на краю деревни нагулявших за день коров. В походах по сельским окрестностям мы были героями-первопроходцами, на речке — бесстрашными пиратами и мореходами, в ближайшем лесу — красными партизанами,

по совместительству собирателями грибов и ягод. И никто нас не наказывал за долгое отсутствие дома, потому что тогда мы уже считались самостоятельными, ведь самому старшему в нашей ватаге Серёжке Проскуруину исполнилось шесть полных лет, а самому младшему — мне — пять. И каждое утро для нас поднималось новое солнце, каждый наступающий день нес радость ещё не изведанного, и даже встреченная по дороге к деревенскому кладбищу похоронная процессия казалась нам праздником, потому что играла музыка и нам давали кутью — рисовую кашу с изюмом, которую мы очень любили. Смерти для нас не существовало, она ждала своего часа за пределами нашего мира, где-то за горизонтом будущего, за границами детской мечты.

Конечно, нам хотелось быстрее вырасти. Взрослая жизнь рисовалась сказочным рассветом, который открывается тому, кто бесстрашен, честен и смел. В каждом из нас жила уверенность в том, что в будущем нас ждёт безграничный мир возможностей. И если бы кто-нибудь сказал нам тогда, что за той самой линией горизонта, к которой человек стремится всю свою жизнь, нет ничего, мы бы не поверили.

Детям нужны сказки. Но сказки, как и жизнь, бывают разные. Бывают добрые, а бывают и не очень. Тётя Тася вечерами часто рассказывала мне их. Она их придумывала. Её сказки жили в

настоящем времени, и в них главными героями всегда были мы с тётей Тасей. И она никогда не заканчивала начатую сказку, позволяя мне самому дофантазировать финал. При этом мы с ней играли в такую игру: «да» и «нет» не говорите, чёрного с белым не берите. Меня захватывала возможность самому участвовать в сказочном действии. А дополнительные трудности с «да» и «нет» и чёрно-белыми цветами лишь подогревали интерес. Только по прошествии многих лет я понял, насколько необходимой для начинающего познавать жизнь ребёнка была такая игра. Она научила меня мыслить образами, развила тягу к логическому мышлению и интуицию. Самое главное, она научила меня мечтать. Эти качества очень пригодились в жизни. Фантазия, логика и стремление к анализу информации позволили начать писать книги. И интуиция почти никогда не подводила. Разве только в любви... Искал. Ошибался... И однажды, когда я уже почти достиг своего горизонта, увидел её... настоящую... Увидел и понял, что оставшейся жизни мне не хватит, чтобы догнать и идти рядом...

Больше сказок в том далёком детстве мне нравились рассказы тёти Таси о её непростой судьбе. Перед глазами вставали картины Гражданской войны: молодая девушка из богатой семьи выходит замуж за комиссара красноармейского полка и уходит с ним на

фронт воевать с беляками. Там вступает в партию большевиков. А когда убивают её мужа, сама становится комиссаром полка. Я представлял себя рядом с молодой красивой тётей Тасей несущимся на лихом коне в атаку. И мы всегда побеждали, потому что тётя Тася была героем. А герои всегда побеждают.

После Гражданской войны Анастасия Ивановна (по мужу Смирнова) перешла на мирную работу. Была директором лесхоза, многие годы возглавляла парторганизацию одного из районов области. А когда ушла на заслуженную пенсию, возглавила общество охраны природы. До самой смерти она была настоящим большевиком и в делах, и в словах, и в поступках. А вот замуж так и не вышла. Всю жизнь любила одного человека — своего погибшего мужа.

Две другие мои тётушки никогда не вступали ни в какие партии. После гимназии обе окончили курсы и учительствовали. Успели выйти замуж за двух родных братьев — офицеров царской армии, а пожить счастливой жизнью не успели: началась революция.

Род Бажановых происходил из помещичьего сословия и до революции жил небедно. Но новая эпоха безжалостно закрутила, переломала человеческие судьбы. Разлом прошёл и по семье Бажановых. Мужья Антонины и Анны не приняли новую власть. В 1918-м ушли в Добровольческую

армию на Дон, где и погибли, оставив вдовам по сыну. Сыновья выросли и повторили судьбу отцов: оба сгинули в 1942-м на Сталинградском фронте в районе реки Дон. И остались сёстры совсем сиротами. Жили. Учителем стовали. Да так, что обе стали заслуженными учителями РСФСР, а Антонину Макаровну даже наградили орденом Трудового Красного Знамени. Я держал в руках этот орден и очень гордился своими тётушками. После Великой Отечественной войны их племянница-коммунистка Анастасия Ивановна Смирнова собрала оставшихся в живых Бажановых вместе и помогла пережить тяжёлое время. Так через многие-многие годы жизнь примирила родных по крови людей.

Детская память — цепкая. Помню, рассказывают тётушки про своё житьё-бытьё, показывают старые фотографии, а доходят до того места, как получили похоронки на сыновей, — и плачут тихо. Так плачут, когда знают, что всё равно никто не поможет. Мне их жалко, и я плачу вместе с ними.

Удивительными были мои тётушки. Всегда в строгих, чёрных, длинных платьях с белыми ажурными воротничками, какие носили до революции, сохранившие стройные фигуры до глубокой старости. Разговаривали между собой мало, больше общались с помощью жестов, взглядов, научившись за долгую совместную

жизнь понимать друг друга без слов, а если говорили, то вполголоса, заставляя остальных прислушиваться. На праздники они пекли пироги. Очень вкусные. Тонкое тесто готовили по особому рецепту, самой главной составляющей которого было долгое и усердное сбивание теста в кастрюле, пока оно не начинало исходить пузырьками. Я всегда просился им в помощь в этом занятии. Нравились мне тётушкины степенность, немногословие. Только сейчас я понимаю, насколько мудры были тётушки, знали они про жизнь всё. А какими рукодельницами они были, вязали и крючками, и спицами! Весь дом был устлан искусно сделанными ковриками, половичками, салфетками и скатёрками. Зимой все Бажановы, включая и меня, ходили в вязаных варежках, носках и даже шапочках тётушкиного производства. А в небольшом деревянном сундучке в их комнате вместе с фотографиями тётушки всю жизнь хранили самое дорогое: носочки и распашоночки своих детей. Доставали они эти маленькие детские вещицы только в дни рождения сыновей.

Читать научили меня тётушки ещё до школы по детским книжкам с яркими картинками. Благодаря им много стихов отложилось в моей детской памяти. И «Айболита», и «Муху-цокотуху», и «Тараканище» Корнея Чуковского я пересказывал без запинок уже в четыре года.

Несмотря на благородное воспитание тётушек и бабушки, летом я целые дни любил проводить с друзьями в детских проказах. Из всех впечатлений самым ярким в моей памяти остаётся воспоминание о висении на заборах. В нашей небольшой компании я был самым худым и маленьким по росту. Бабушка сшила мне на смену две пары трусов чёрного цвета. Трусы из хлопка получились прочные. На вырост. Доходили они мне до колен и считались шортами. Вот эти самые трусы и подводили меня частенько. Многие заборы в нашей деревне строились из штакетника. Почему-то при перелезании правая гача трусов постоянно цеплялась, и я благополучно повисал на штакетине. Резинка оказывалась прочной, выпасть я не мог и болтался на заборе под хохот друзей, как сушёная вобла, пока кто-нибудь из проходящих мимо взрослых не снимал меня оттуда. Став взрослым, я часто ловил себя на том, как мне знакомо это ощущение, когда оказываешься в неприятной ситуации и ничего не можешь поделать. Это как висеть на заборе.

Самым неприятным воспоминанием из детства почему-то остаётся вечернее купание. Летом в гости к дедушке с бабушкой приезжали мои двоюродные сёстры. Перед сном детей по очереди ставили в глубокий тазик, мылили и поливали водой из ковшика. Девочек мыли первыми. А мне доставался тазик последним.

Дело происходило на кухне, воду нужно было сливать и выносить в конец сада к туалету, поэтому её не меняли. Стоя по колено в грязной воде, я мечтал о том времени, когда сёстры уедут обратно в свою Москву. И играть с девчонками в их девчачьи игры мне было неинтересно.

Помню хорошо деда своего Льва Макаровича. Взгляд его, снисходительный и добрый. Молчал больше дед. Теперь понимаю: отмалчивался. Трудную долю, выпавшую на его жизнь, не оплакивал, не жаловался никому. Просто молчал. Но со мной играл, дудки-свистульки всякие мастерил, добрые сказки рассказывал. Но больше всё-таки молчал. Помню, сидит на лавочке у забора, с тросточкой, в военной фуражке без кокарды, на солнышке греется и о чём-то своём думает. Никогда я не слышал, чтобы дед ругался, поминал плохо царя, или Советскую власть, или время тяжёлое. Молчал. Только после его смерти поведала мне бабушка про судьбу Льва Макаровича. Перспективный офицер встретил революцию и Гражданскую войну в должности военного коменданта железнодорожной станции Чита. Служил под командованием адмирала Колчака и атамана Семёнова. Присягу не нарушал, но не пошёл с Семёновым в Китай, хотел быть полезным своей Родине. Служил в Красной армии. Но припомнила ему Советская власть в лице чекистов прошлое, когда в 1938-м году дошла очередь маршалу Блюхеру

идти на эшафот. Только после смерти Сталина оказался дед на свободе. Забрал семью и уехал с Дальнего Востока на Волгу к племяннице Анастасии Смирновой.

Но в детстве я ничего этого не ведал и был счастлив, потому что мы жили дружно в большом доме, где царили семейный уют и порядок. Помню, зимой дед затапит печку, сядет возле неё на стул вместе с котом Васькой, да так и сидят вдвоём, на огонь смотрят. И я подойду и посижу с ними. У печки хорошо, тепло. Дед с Васькой ещё долго сидят, а я уже на улице с двоюродным братом Вовкой на санках катаюсь по белому и чистому, как молоко, морозному снегу. И так нам весело! Очень я был привязан к брату. Баловал он меня. А я его любил. Владимир был старше на 10 лет. Занимался спортом, играл на многих музыкальных инструментах, неплохо пел — школу музыкальную окончил с отличием. Тяга к музыке у меня от него. Развела нас жизнь. Не сложилась у него судьба. Но в памяти моей остался брат Владимир молодым, сильным, весёлым и добрым.

Его мама по имени Лида редко бывала дома даже по праздникам. Она много работала, помогая тёте Тасе содержать большую семью. Была безобидной и очень доброй женщиной.

Про кота Ваську нужно сказать отдельно. Мудрый был кот. Деда очень уважал. Сколько помню себя маленьким, Васька всегда был большим чёрно-белым котом.

Жил Васька в доме вместе со всеми, а гулял в саду и во дворе, редко выходя за забор на улицу. Часто дрался с соседскими котами, покушающимися на границы его владений. Дружил Васька с нашим псом Тузиком. Рыжий Тузик обитал в будке возле сарая и охранял двор. В отличие от Васьки Тузик всегда выказывал свою любовь ко мне повизгиванием и лизанием щёк. Тузик редко сидел на цепи, только когда в дом приходили незнакомые люди. За ворота на улицу его почему-то не выпускали, хотя это был очень добрый пёс, детей любил и никогда не пугал. С котом Васькой они были неразлучными друзьями. Васька в будку к Тузику зааживал, как к себе домой. Частенько они там и спали вместе. Но если во дворе слышался заливистый собачий лай, все знали: Васька снова полез в скворечник. Обычно брат Вовка снимал хвостатого разбойника с высокого песта, на котором к крыше сарая крепился деревянный птичий дом, а потом Тузик гонял кота по двору, показывая всем, как он добросовестно знает службу. А Васька делал вид, что боится.

Летом мы ужинали на открытой веранде с видом в сад. А длинными зимними вечерами вся семья Бажановых собиралась за большим столом в тёплой гостиной с люстрой. После ужина раскидывали карты в дурака. Мне давали поддержать отбой. Помню, как нравилось мне смотреть на моложавых валетов, на

ярких красивых дам, но больше всех по душе мне были бородастые короли с жезлами в руках. Я верил, что эти крепкие старцы могут исполнять желания, потому что они правят миром. Так говорили мне тётушки.

Из воспоминаний о детстве всегда приходит ощущение всеобъемлющей любви. Оно идёт именно оттуда — из этого дома, где я рос до семи лет. Когда подошла пора идти в школу, мама забрала меня в город. Помню, как не хотелось уезжать, как сильно я скучал по деревенской жизни, по оставшимся там друзьям, по любимым меня тётушкам и бабушке с дедушкой, брату, по Ваське с Тузиком, по воздуху свободы. Во время школьных каникул на все мои просьбы отправить меня в деревню мама качала головой, и впереди меня ожидал пионерский лагерь.

Бабушку с дедушкой через некоторое время мама тоже забрала в город, чтобы получить от работы трёхкомнатную квартиру. Так и остались тётушки на попечении Лиды и её сына Владимира. Но Владимир ушёл из жизни раньше матери. Вот как угадать судьбу?

Окончив школу, я уехал поступать в военное училище. Далеко от семьи, от родных людей, от родной земли пытался построить свою жизнь.

Время шло. Я возвращался в деревню лишь однажды, уже курсантом третьего курса военного училища лётчиков. Мы приехали вместе с бабушкой. Нашего

дедушки к тому времени уже не стало. Тётушки были ещё живы. Тёте Тоне и тёте Нюре перевалило за 90 лет, но они ещё передвигались самостоятельно. Тётя Тася казалась более бодрой, наверное, потому что была моложе их почти на 10 лет. Из нашего большого дома уже давно все трое переехали в благоустроенную квартиру на первом этаже поселковой трёхэтажки: в то время былые заслуги тёти Таси ещё имели вес.

Тётушки узнали меня и были рады. С трепетом в груди я ходил по знакомым, дорогим сердцу местам, возвращаясь душой в далёкое детство. Я узнавал и не узнавал свою деревню: дома как бы уменьшились в размерах, улицы стали уже и короче, речка, которую я боялся переплывать, — неширокой. Когда-то многолюдная танцплощадка в парке показалась заброшенной и состарившейся, как и мои тётушки.

Из четырёх друзей детства я нашёл только двоих: Серёгу Проскурина и Валерку Тимофеева — и еле узнал их. Петька Мещеряков и Мишка Панфилов уехали в город учиться. Мы так и не свиделись больше.

Уезжал я в расстроенных чувствах: парк с высокими тополями, что росли возле нашего дома, вырубил и проложили дорогу. Дом, в котором мы жили, оказался не таким уж большим. Теперь в нём обитали чужие люди. Я не стал заходить во двор, не увидев нашего великолепного сада. Все годы я помнил, знал и трепетно

верил, что там, в цветущем зелёном саду, где гуляет кот Василий, живёт моё босоное детство. В доме каждое утро бабушка печёт аппетитные оладушки и прямо из печи подаёт на стол к сметанке домашней. Дед сидит возле печи. Во дворе лает Тузик. И все мы, Бажановы, живые и здоровые, собираемся к завтраку в большой светлой столовой...Так устроена память.

Я не стал беспокоить людей, живущих в нашем доме, наверное, испугался, что вот открою калитку, а детства моего там нет. Как тогда жить? Лучше не тревожить прошлое...

Шли годы. Наступили времена перестройки. Вскоре не стало бабушки. Потом одна за другой ушли из жизни мои тётушки. А я тогда служил на Камчатке.

По долгу службы мне довелось побывать во многих местах: от западных границ Советского Союза

до самых восточных его границ. Но на похороны ни одной из тётушек я так и не смог приехать. Хоронил друзей, сам чуть не погиб, сажая повреждённую машину в горах. Женился. Обзавёлся детьми. Развёлся. Снова женился.

Увольнялся из армии я уже в государстве Россия в звании подполковника, имея за плечами более тридцати лет лётной работы. А побывать на родной земле всё как-то не удавалось. Сейчас понимаю, что занятость и нехватка времени — не аргумент перед вечностью.

И вдруг в первый осенний месяц этого года что-то так нестерпимо потянуло сюда, в деревню детства, где уже и не осталось людей, что помнили бы меня.

И вот стою я перед скромной могилкой дорогих и любимых тётушек и прошу у вас, любивших меня, прощения...

2012 год.